ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА 09.06.2017 | Томас Манц

Импичмент перезагружен?

Как в Бразилии пытаются продвигать демократию без выборов

Всего лишь через год после оспариваемой процедуры отстранения от должности президента Дилмы Роуссефф процесс импичмента возвращается в повестку дня бразильской политики. После взрывоопасных заявлений владельцев крупнейшего в мире производителя мясной продукции, концерна JBS S.A., дамоклов меч отставки угрожающе повис над действующим президентом Мишелем Темером, который, будучи в свое время вице-президентом и членом правоцентристской партии PMDB (Partido do Movimento Democrático Brasileiro, Партия бразильского демократического движения, ПБДМ), содействовал отстранению Роуссефф от власти и в мае 2016 года занял ее место.

Однако в отличие от случая с Роуссефф, где основанием для отстранения от должности было якобы пренебрежение бюджетными законами, причинами импичмента Темеру могут стать серьезные уголовно-правовые преступления. Генеральная прокуратура получила санкцию от Федерального верховного суда (Supremo Tribunal Federal, STF) провести в отношении президента расследование по подозрению в пассивной коррупции, препятствии правосудию (в связи с выплатой потенциальным свидетелям денег за молчание), а также в организации преступной группировки. При этом – не так, как во многих случаях, в которых ведущим политикам делаются упреки в коррумпированности – такие обвинения опираются не только на показания ключевых свидетелей, но и подкреплены звукозаписями компрометирующих разговоров. Тем не менее вопреки солидным обвинениям и несмотря на тот факт, что к настоящему времени представлено множество обращений об отстранении от должности – и не только от политической оппозиции, но также от Национального союза адвокатов – Темер проявляет свои высокие бойцовские качества и уклоняется от ухода в отставку.

При этом он уже давно измотан борьбой. С начала срока правления многие министры его кабинета попали под перекрестный огонь

дознавателей по вопросам коррупции. На сегодня проводятся расследования в общей сложности против восьми министров, а также против гарантов его большинства в конгрессе – председателя Палаты депутатов Родриго Мая и председателя Сената Эунисио Оливейры. Кроме того, изначально предполагаемый на пост министра планирования, ближайший доверенный Темера, сенатор Ромеро Джука был допрошен, когда назвал в качестве истинного мотива отстранения от власти Роуссефф сдерживание расследований в коррупционном скандале вокруг нефтяного концерна Petrobras. И в самом деле, генеральная прокуратура обвиняет Темера в совместной договоренности и действиях с Эсио Невесом, сенатором и председателем правоконсервативной партии PSDB (Partido da Social Democracia Brasileira, Бразильская социал-демократическая партия, БСДП), который на сегодняшний день временно отстранен от сенаторства и отказался от председательствования, а также с его бывшим министром юстиции и – с января – судьей Федерального верховного суда Алешандре Мораесом в попытке вмешаться в подбор дознавателей, чтобы таким способом получить возможность влияния на расследования.

Судебную систему обвиняют в том, что она с ее притязаниями на генеральную «зачистку политики» выходит за пределы своих целей и компетенций и преследует собственные интересы во власти

Вместе с этим серьезным обвинением проявляются уже давно видимые напряженности в отношениях между исполнительной и законодательной властью, с одной стороны, и частью судебной системы – с другой. Судебную систему обвиняют в том, что во время антикоррупционных расследований она с ее притязаниями на генеральную «зачистку политики» выходит за пределы своих целей и компетенций и преследует собственные интересы во власти. Если критика из лагеря тоже обвиняемого в коррупции экс-президента Луиса Инасиу Лула да Силвы в адрес судебной системы по поводу допускаемых эксцессов и предварительных приговоров до сих пор всегда отвергалась консервативным лагерем как неадекватная и как попытка выгородить себя, то теперь вдруг консервативные журналисты, например, обозреватель газеты Folha de São Paulo Рейнальдо Азеведо, клеймят позором исходящий из прокурорского корпуса «заговор» против президента, задачей которого является якобы захват власти с целью «создания республики

заново». Бразилия подвергается опасности стать вольером «юридического сюрреализма» или даже «юридического террора». Консервативный предшественник Лулы на президентском посту Фернанду Энрике Кардозу тоже предупреждает об опасности «мессийствующих» прокуроров, чье поведение направлено против демократии. Обоснованы эти обвинения или нет, остается очевидным, что юстиция инструментализируется для политического противоборства. Выставляется напоказ демонизация политики, разжигаемая крупными медиа-концернами, за которой прячутся амбиции некоторой части экономической элиты для продвижения технократического правительства, чтобы ликвидировать кризис без политики и политиков.

Правительство Темера с самого начала вело себя так, будто с отставкой Роуссефф оно получило мандат проводить совершенно другую политику

Вместе с форсированной из-за новых обвинений дестабилизацией правительства Темера под угрозой оказывается также важнейшая миссия этого правительства: радикальное изменение политического курса. Собственно, инструмент импичмента в бразильской Конституции предусмотрен только для санкционирования административных правонарушений, но не таких, как «конструктивный вотум недоверия» в парламентской системе в качестве мандата для смены политики. Тем не менее правительство Темера с самого начала вело себя так, будто с отставкой Роуссефф оно получило мандат проводить совершенно другую политику, которая отклоняется от учрежденного в годы после военной диктатуры основного консенсуса за прогрессирующее расширение социальных прав для перекрывания глубоких социальных противоречий в стране. Соответственно, Темер инициировал согласованную с финансовым сектором и главами предпринимательских объединений «программу реформирования», за которую

в прошедшие полторы декады возле избирательных урн для голосования не нашлось большинства.

Эта программа содержит в себе – наряду с сокращением бюджета, которое представляет опасность для социальных программ или всеобщей системы здравоохранения – регресс правовых гарантий в области трудового права, а также пенсионную реформу, затрагивающую прежде всего бедняков. Эта программа в высшей степени непопулярна (согласно опросам, от 70 до 85 процентов населения против пенсионной реформы) и сталкивается с активным сопротивлением. В конце апреля дело дошло до однодневной всеобщей забастовки профсоюзов по всей стране – наибольшей профсоюзной мобилизации с самого начала 1990-х годов, в которой приняли участие примерно 40 млн человек. Однако Темер охарактеризовал эти протесты как незначительные и публично позволил дать себе рекомендацию от своего государственного гостя, испанского премьер-министра Мариано Рахоем, «не прислушиваться к улице».

Так как вместе с дестабилизацией Темера эта программа оказывается под угрозой, то политические и экономические элиты, а также часть крупных медиа-концернов пока что не спешат делать вывод из серьезных обвинений против действующего президента – как упрекает бывший председатель STF Жоаким Барбоса. Потому что таким выводом были бы новые выборы. Но бразильские элиты в настоящее время не боятся ничего больше, чем реанимации лозунга «Перевыборы – сейчас!» („Diretas Já!“). Под этим лозунгом в 1980-х годах выступало широкое гражданское движение, которое в итоге привело к концу военной диктатуры, а в 1989 году – к свободным и прямым выборам. Значительная часть сегодняшнего политического истеблишмента тоже стояла тогда за требование «Перевыборы – сейчас!». Сегодня же истеблишмент видит в новых выборах угрозу. Потому что «призрак новых выборов» – как точно сформулировал политолог Маркос Нобре – имеет имя и называется Лула (Луис Инасиу Лула да Силва). Экс-президент во всех опросах по выборам президента в конце 2018 года уверенно идет впереди всех других кандидатов. Таким образом, проведение сейчас новых выборов означало бы для приверженцев инициированной Темером смены политического курса угрозу возврата Лулы и его политики социальной инклюзии.

Таким образом, проведение сейчас новых

Элиты тоже отдают себе отчет в том, что больше не надо поддерживать Темера. «Король умер, но еще не похоронен», –

выборов означало бы для приверженцев инициированной Темером смены политического курса угрозу возврата Лулы и его политики социальной инклюзии

метко высказался политолог Фернандо Абручио. Похороны могут состояться в начале июня, если суд решит признать недействительными результаты выборов Роуссефф и Темера в 2014 году из-за незаконного финансирования выборов. Тогда Темер должен будет немедленно уйти в отставку. Если такое произойдет, то элиты поставят на непрямые выборы („Indiretas Já!“) как альтернативу прямым выборам. В самом деле, в Конституции для случая ухода в отставку или отстранения от власти эрзац-президента (а Темер как раз и является таковым по отношению к Роуссефф) предусмотрено, что председатель Палаты депутатов принимает на себя исполнение должностных обязанностей и в течение 30 дней проводит в Конгрессе непрямые выборы нового главы государства. Тогда право голоса имеют только члены Палаты депутатов и Сената. Тем не менее правила проведения таких непрямых выборов не определены. Неясно прежде всего, кто в этом случае может баллотироваться, и применяется ли при этом закон о «неизбираемости», который исключает высших должностных лиц из числа кандидатов, если они не ушли в отставку за шесть месяцев до выборов. Но даже независимо от этих процедурных неясностей непрямые выборы таят в себе колоссальный вызов для элит, чтобы гарантировать выбор кандидата или кандидатки, который или которая получит большинство во фрагментированном Конгрессе и будет как личность обладать способностью реализовать «программу реформ». И, наконец, это должен быть такой кандидат, который имел бы достаточный авторитет, чтобы население проглотило его непрямые выборы.

Относительно всех кандидатов, о которых строят догадки – от бывшего президента Кардозу, нынешнего министра финансов Энрике Мейреллеса и нынешнего Председателя Верховного суда Кармен Лючии и до ее предшественника по службе Нельсона

Джобима – есть оговорки. Таким способом консервативный лагерь играет прежде всего на факторе времени, времени, которое ему необходимо, чтобы найти «надежного» кандидата для непрямых выборов. Эти поиски совершенно не изменят того поразительного факта, что если сопоставить список кандидатов для непрямых выборов со списком для прямых выборов 2018 года, то речь идет о совершенно других лицах. Возможные кандидаты для непрямых выборов не являются опцией для прямых выборов, так как они не имели бы никаких шансов, если бы им пришлось предстать перед избирателями.

Конституционная поправка, которая сделала бы возможными прямые выборы, обсуждается в конституционно-правовом комитете Сената. По крайней мере, только широкая гражданская мобилизация могла бы форсировать изменение правил игры и прямые новые выборы. Сформируется ли такое широкое движение в условиях современного кризиса, пока еще неизвестно. С одной стороны, левый лагерь слишком долго и крепко держится за требование «Долой Темера!» („Temer raus!“), не заботясь о конкретном сценарии того, что будет потом. С другой стороны, движения, которые в 2015–2016 годах своей мобилизацией за отставку Роуссефф претендовали на статус голоса народа, сегодня странным образом не заинтересованы в мнении народа и выступают за непрямые выборы в Конгрессе. После того как Бразилия за прошедшее десятилетие привлекла к себе внимание демократическими инновациями вроде партисипативного бюджета, она может сейчас оказаться пионером совершенно другой инновации – «демократии» без выборов!

Томас Манц
Париж

Д-р Томас Манц (Thomas Manz) с 2019 года руководит Представительством Фонда им. Фридриха Эберта во Франции. До этого он много лет работал в Фонде в качестве социально-политического консультанта в Латинской Америке, включая Боливию, Гватемалу, Кубу и Доминиканскую Республику, а также Мексику.